ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 9 | 2025. Volume 18. Issue 9
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Эквивалентность и адекватность при передаче аксиологических терминов (на примере лексемы «добро» в немецких и английских переводах прозы Ф. М. Достоевского)

Чиркова Е. Н.

Аннотация. В статье обсуждается проблема эквивалентности и адекватности переводов прозы Ф. М. Достоевского на материале двух повестей – «Записки из Мёртвого дома» и «Записки из подполья». В работе мы рассматриваем передачу в переводе аксиологемы «добро» в ее контекстном окружении. Исследователи творчества Достоевского неоднократно отмечали его «трехчастность»: сюжетный треугольник, созданный отношениями Бог – человек – социум. Слово «добро» в русском языке может относиться как к метафизическому (Бог), так и к социальному (человек и социум) аспектам бытия, и набор значений одной лексемы в русском языке охватывает сферу понятий, вербализуемую в английском и в немецком языках разными лексемами. Целью исследования стало определение степени эквивалентности и адекватности передачи в переводах как семантики, так и прагматики оригинальных текстов. Новизна исследования заключается в выявлении зависимости качественной оценки перевода аксиологем не только от мастерства переводчика, но и от лексико-семантических особенностей конкретного языка. Результаты исследования показали, что для немецкого языка возможно достижение как эквивалентного, так и адекватного перевода, в английском языке добиться того и другого одновременно практически невозможно.

EN

Equivalence and adequacy when rendering axiological terms (by the example of the lexical unit “добро” (goodness; kindness; belongings) in German and English translations of F. M. Dostoevsky’s prose)

E. N. Chirkova

Abstract. The article discusses the problem of equivalence and adequacy of translations of F. M. Dostoevsky’s prose based on two stories, “Notes from the House of the Dead” and “Notes from the Underground”. In the work, we consider the transfer in translation of the axiologeme “добро” (goodness; kindness; belongings) in its contextual environment. Researchers of Dostoevsky’s work have repeatedly noted its three-part nature: a plot triangle created by the relationship between God, man, and society. The word “добро” in Russian can refer to both the metaphysical (God) and the social (human being and society) aspects of existence, and the set of meanings of one lexeme in Russian covers the sphere of concepts verbalized in English and German by different lexemes. The aim of the study is to determine the degree of equivalence and adequacy of transmission in translations of both the semantics and pragmatics of the original texts. The study is novel in that it identifies the dependence of the qualitative assessment of the translation of axiologemes not only on the translator’s skill, but also on the lexical and semantic features of a particular language. The results of the study showed that for the German language, it is possible to achieve both an equivalent and an adequate translation, but it is practically impossible to achieve both at the same time for English.

Введение

Добро и зло – довольно общие понятия, «употребляемые для обозначения положительной или отрицательной ценности предметов и явлений. Указанное находит отражение в языковом сознании человека,

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250550

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

типичными для которого являются представления о добре как о положительном, хорошем, полезном, нравственном, противоположном злу» (Будько, 2017, с. 77). Поскольку оба понятия присутствуют в большинстве лингвокультур, то и в большинстве языков должны существовать лексические формы для их реализации. В отдельных языках одна внешняя лексическая форма может выражать различные смыслы, иногда трудноотличимые друг от друга, а иногда объединенные в одном словоупотреблении (и особенно это касается абстрактной, в том числе аксиологической, лексики), при этом и в первом, и во втором случае переводчики сталкиваются со сложностями в передаче этих значений по причине несовпадения форм в разных языках. Одним из примеров является перевод на другие языки русского существительного *добро*.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения представлений о применимости критериев переводческой эквивалентности и адекватности не только к переводам в целом, но и к переводам отдельных типов текстов и типов лексики, например аксиологических терминов, под которыми обычно понимаются «лексемы-термины, семантика которых конвенционально и нормативно связана с означиванием оценивающей деятельности человека» (Серебренникова, Антипьев, Ладыгин и др., 2011, с. 49). В языкознании уже предпринимались попытки оценки качества перевода аксиологических терминов. Так, например, в работах Т. В. Ковалевской (2011; 2024) рассматривалась эквивалентность английского перевода лексем «зло» и «злой». В нашем исследовании мы обращаемся к аксиологеме «добро», исследуя не только эквивалентность, но и адекватность перевода как на английский, так и на немецкий язык.

Задачи исследования заключались в следующем: 1) найти в указанном русскоязычном тексте все контексты употребления лексемы *добро*; 2) выделить на основе данных толковых словарей русского языка значения этой лексемы, актуализующиеся в найденных контекстах; 3) найти в английских и немецких переводах все соответствия данным контекстам; 4) отобрать среди существующих в теории перевода определений понятий «эквивалентный перевод» и «адекватный перевод» актуальные для нашего исследования определения; 5) выделить основные трудности, с которыми переводчик может столкнуться в работе; 6) оценить переводческие решения с точки зрения их эквивалентности и адекватности.

Цель работы и совокупность поставленных задач обусловили выбор методов исследования. Для отбора материала использовался метод сплошной выборки. На основе сравнительно-сопоставительного метода в указанных переводах были найдены все соответствия данным лексемам и их ближайшему контекстному окружению и дана оценка степени эквивалентности и адекватности переводческих решений. Для интерпретации результатов сопоставления использовался метод контекстуального анализа.

Материалами послужили русскоязычные тексты двух повестей Ф. М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома» и «Записки из подполья» и их переводы на немецкий и английский языки (по три перевода каждой повести), а также данные толковых, переводных и этимологических словарей русского (словари А. П. Евгеньевой и Я. К. Грота), немецкого (онлайн-словарь Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache) и английского (онлайн-словарь Dictionary by Merriam-Webster) языков.

Теоретическую базу исследования составляют: труды отечественных переводоведов, исследовавших понятия «качество перевода» (Комиссаров, 1980; 1990; Ванников, 1988; Мошкович, 2013); работы, посвященные трудностям перевода творчества Ф. М. Достоевского (Касаткина, Кузнецова, 2020; Ковалевская, 2025); исследования метафизической и богословской составляющих в творчестве Ф. М. Достоевского (Днепровская, 2011; Касаткина, 2021; Ковалевская, 2011; 2024; 2025).

Хороший перевод в рамках теории перевода может оцениваться по разным критериям. В работе мы остановимся на двух наиболее часто используемых: эквивалентность и адекватность. Поскольку для них до сих пор не существует единого общего определения, в статье мы принимаем определение эквивалентности, предложенное В. Н. Комиссаровым (1990), и будем оценивать эквивалентность на уровне лексико-семантического соответствия, которое характеризуется: 1) максимально возможно высокой степенью параллелизма в структурной организации оригинального и переводного текста (далее – ОТ и ПТ соответственно); 2) максимально возможной соотнесенностью лексики; 3) сохранением в ПТ всех основных частей содержания ОТ, включая общность смысловых компонентов отдельных слов. Для определения адекватности перевода мы будем опираться на теорию Ю. В. Ванникова (1988), где рассматривается понятие функциональной (также называемой прагматической или функционально-прагматической) адекватности перевода, которая отражает степень соотношения ПТ с коммуникативной установкой автора ОТ.

В основе любой качественной оценки перевода лежит принцип некоторого соответствия между ОТ и ПТ. В этой связи возникает вопрос: чему должен быть эквивалентен или адекватен перевод, то есть чему он должен в том или ином смысле соответствовать? Некоторые исследователи творчества Достоевского отмечали так называемую «двусоставность» его художественных образов, под которой понимается «способность героя и самого проходного персонажа или самой злободневной романной ситуации заключать в себе евангельского персонажа или евангельскую сцену» (Касаткина, 2021, с. 175). Иногда указывают и на «трехсоставность» художественных образов Достоевского: «наносное варварство / наносная грязь – человеческий образ – красота этого образа» (Касаткина, 2021, с. 178). Даже говорят об образной «полифонии» (полисоставности) его текстов, которая проявляется, в частности, в «различии смыслов при схожести формы» (Ковалевская, 2025, с. 63).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при составлении двуязычных русско-английских и русско-немецких словарей, а также на практических занятиях по английскому и немецкому языку, лексикографии, лексикологии, переводоведению и художественному переводу.

Обсуждение и результаты

Понятие «добро» представляет собой наивысшую абстракцию моральной оценки «хорошо», включая в себя прежде всего представления о духовном и нравственном. Тем не менее, в русском языке у лексемы *добро* есть и связь с исключительно материальным аспектом человеческого существования: *добро* как имущество. В хронологически близком Ф. М. Достоевскому словаре церковно-славянского и русского языка добро есть: 1) все то, что хорошо, благопристойно, честно, полезно; 2) благотворение; 3) движимое имущество (СЦСРЯ, 1847, т. 1, с. 529). В более современном нам словаре А. П. Евгеньевой толкования сходные: «1. всё положительное, хорошее; противоп. зло; 2. хорошее, доброе дело; поступок, приносящий пользу; 3. (собир. разг.) имущество, вещи, пожитки» (Словарь русского языка, 1985, т. 1, с. 408). Таким образом, говоря о добре, мы подразумеваем либо некое высшее нравственное начало, либо совокупность человеческих действий, приводящих к положительному результату, либо вещественное добро, имущество. Иначе говоря, множество указанных в словарях значений русской лексемы можно объединить в три смысловые группы: *добро*

- в метафизическом смысле (существительные, применимые к метафизическим понятиям: «силы добра», «добро побеждает зло»):

Чем больше я ***сознавал о <u>добре</u> и о всем этом «прекрасном и высоком»****, тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней* (т. 5, с. 102) (здесь и далее в примерах т. 5 – текст повести «Записки из подполья» (см. материалы исследования));

- в социальном смысле (результат деятельности человека):

… а что если б его [человека] просветить, открыть ему глаза на его настоящие, нормальные интересы, то человек тотчас же перестал бы делать пакости <…>, следственно, так сказать, по необходимости ***стал бы делать <u>добро</u>****?* (т. 4, с. 102) (здесь и далее в примерах т. 4 – текст повести «Записки из Мёртвого дома» (см. материалы исследования));

- вещественном смысле (деньги, вещи, пожитки):

Дом тут стоял, с краю города, и богатый тут жил один мещанин, ***<u>добра</u> пропасть*** (т. 4, с. 163).

Далее мы перейдем к рассмотрению отобранных для анализа переводов. В примерах ниже исследуемые единицы перевода, то есть контексты употребления лексемы *добро* в ее ближайшем лексико-синтаксическом окружении, выделены жирным шрифтом, сама лексема и ее переводное соответствие (при наличии такового в ПТ) выделены подчеркиванием. Квадратными скобками обозначены примечания автора данного исследования, необходимые для понимания контекста.

Немецкий язык, благодаря наличию многозначных (имеющих как метафизические, так и социальные коннотации) лексем с корнем *-gut-*, позволяет осуществить перевод русской лексемы *добро* практически без семантических и прагматических потерь, что дает возможность в большинстве случаев добиться как эквивалентного, так и адекватного перевода, при этом, как и в русском языке, сохранив в ПТ единство формы и тем самым предоставив читателю самому решать, что именно он видит за этой формой. Немецкие лексемы с корнем *-gut-* позволяют охватить все смыслы, включенные в русские лексемы с корнем *-добр-*, рассматриваемые в работе.

Таблица 1. *Метафизическое добро*

Русский текст	Немецкие переводы
(1) **Чем больше я сознавал о <u>добре</u> и о всем этом «прекрасном и высоком»,** тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней (т. 5, с. 102).	**Je mehr ich von der Erkenntnis <u>des Guten</u> und all dieses “Schönen und Erhabenen” durchdrungen war**, desto tiefer sank ich in meinen Schlamm und desto fähiger war ich, völlig ihm zu verfallen (Ra1, S. 10).
	Je mehr ich von der Erkenntnis <u>des Guten</u> und von all diesem “Schönen und Erhabenen” durchdrungen war, um so tiefer versank ich in meinem Schlamm, um so bereitwilliger war ich, völlig in ihm steckenzubleiben (Ge, S. 7).
	Je mehr ich <u>das Gute</u> und all dieses “Schöne und Erhabene” erkannte, um so tiefer versank ich in meinen Sumpf und um so fähiger war ich, vollständig in ihm stecken zu bleiben (Rö1).

В Таблице 1, включающей единственное встретившееся нам метафизическое (ср. «сознавать о прекрасном и высоком») употребление лексемы *добро*, мы наблюдаем переводы, характеризующиеся высокой степенью эквивалентности (хотя и не максимальной; так, у Е. К. Разин и С. Гайер «чем больше я сознавал о добре» переведено как «чем больше я был проникнут добром»). Более эквивалентен перевод Г. Рёля: «Чем больше я познавал добро». Адекватность передачи аксиологемы *добро*, то есть полная передача потенциально стоящих за ней смыслов, иначе говоря, потенциального прагматического намерения автора ОТ, достигается за счет употребления существительного *(das) Gute(s)*, объединяющего в себе, согласно словарным данным, и метафизическое, и социальное значение.

В Таблице 2 мы наблюдаем адекватные переводы достаточно высокой, но не полной степени эквивалентности. Так, в примере (1) «не видала добра» передано у Е. К. Разин как «видела мало добра». Это словосочетание можно было бы перевести дословно, поэтому изменения полного отрицания на понятие «мало», по-видимому, лишь результат желания переводчика. В примере (2) неполная эквивалентность обусловлена структурными расхождениями в языках, а именно тенденцией передачи безличных конструкций с глаголом во 2 лице единственного числа («добро ему творишь») через конструкцию с подлежащим *man* и, соответственно, сказуемым в 3 лице. В примере (3) перевод Г. Рёля абсолютно не эквивалентен («не бить бабу – не будет добра»

передано как «если не бить бабу, она не будет хорошей»), и при этом нельзя отметить ни одной объективной причины для такого неэквивалентного перевода, кроме либо желания переводчика («баба не будет хорошей» переводчик счел семантически идентичным с «не будет добра»), либо, что представляется менее вероятным, неполного понимания переводчиком контекста ОТ.

Таблица 2. *Социальное добро*

Русский текст	Немецкие переводы
(1) **Ты [Лиза], видно, в своей семье не видала добра**, что так говоришь (т. 5, с. 102).	**Du mußt wohl in deiner Familie wenig Gutes gesehen haben**, wenn du so sprichst (Ra1, S. 110).
	Du hast offenbar in deiner Familie nichts Gutes erlebt, da du so sprichst (Ge, S. 106).
	Du hast offenbar in deiner Familie nichts Gutes erlebt, da du so sprichst (Rö1).
(2) Ишь собачье мясо: **добро ему [орлу] творишь**, а он всё кусается! (т. 4, с. 194).	Sieh doch einer das Hundevieh: **ich tue ihm Gutes**, er aber beißt mich! (Ra2, S. 255).
	Dieses verdammte Vieh: **man tut ihm Gutes**, er aber beißt! (El).
	Nun sehe mal einer den Racker; **man tut ihm Gutes**, und er beißt immer um sich! (Rö2).
(3) Гм… Оно, конечно, **коли не бить [бабу] – не будет добра**, – хладнокровно и методически заметил Черевин… (т. 4, с. 173).	“Hm … Es is tja … wahr: **schlägt man nicht – dann kommt auch nichts Gutes heraus**”, meinte kaltblütig und methodisch Tscherewin… (Ra2, S. 228).
	“Hm… Gewiß, **wenn man sein Weib nicht prügelt, erlebt man nichts Gutes**”, bemerkte Tscherewin kühl und belehrend… (El).
	“Hm… Gewiss, **wenn man seine Frau nicht schlägt, wird sie nicht gut**”, bemerkte Tscherewin kaltblütig in lehrhaftem Tone… (Rö2, S. 309).

Таблица 3. *Вещественное добро*

Русский текст	Немецкие переводы
(1) Ишь, завидок востроглазый! **Разгорелись глаза на чужое добро** (т. 4, с. 200).	Seht doch diesen Neidhammel! **Dir scheint ja fremdes Gut merklich in die Augen zu stechen**! (Ra2, S. 263).
	Du scheeläugiger Neidhammel! **Wie dir die Augen nach fremdem Gut brennen**! (El).
	Sie mal an, du, scharfblickender Neidhammel! **Siehst dir die Augen aus dem Kopfe nach fremdem Gute**! (Rö2, S. 358).
(2) На кухне около жарко разгоревшихся печей шла суетня и толкотня, целая давка. **Всякий наблюдал за своим добром** (т. 4, с. 108).	In der Küche ging es lebhaft zu: ein ganzer Haufen drängte, stieß und quetschte sich vor den glühenden heißen Backöfen. **Ein jeder wollte sein Eigentum bewachen** (Ra2, S. 141).
	In der Küche herrschten bei den glühenden Öfen ein Getue und ein Gedränge. **Ein jeder gab auf sein Eigentum acht** (El).
	In der Küche herrschte bei den heißglühenden Öfen ein eifriges Treiben und Gedränge; es fand geradezu ein Handgemenge statt. **Jeder gab auf sein Eigentum acht** (Rö2, S. 191).
(3) «Эх, дескать! – думал он, может быть, **запуская руку в мое добро**, – что ж это за человек, который и **за добро-то свое постоять не может**!» (т. 4, с. 86).	“Ach”, dachte er vielleicht in dem Augenblick, **wenn er sich mein Eigentum aneignete**, “was ist denn das für ein Mensch, **der nicht einmal für sein Hab und Gut einstehen kann**!” (Ra2, S. 114).
	“Ach”, sagte er sich vielleicht, **wenn er bei mir etwas stahl**, “was ist das für ein Mensch, **der nicht mal sein Hab und Gut zu schützen versteht**!” (El).
	“Ach”, dachte er vielleicht, **während er die Hand nach meinem Eigentum ausstreckte**, “was ist das für ein Mensch, **der nicht einmal sein Hab und Gut zu schützen versteht**!” (Rö2, S. 153).
(4) **Дом тут стоял**, с краю города, и **богатый тут жил один мещанин, добра пропасть** (т. 4, с. 163).	Dort außerhalb der Stadt **stand ein Haus, das einem reichen Bürger gehörte** (Ra2, S. 215).
	Im Rande der Stadt **stand ein Haus, darin wohnte ein Kleinbürger, ein reicher Mann** (El).
	Es stand da am Rande der Stadt **ein Haus, in dem ein reicher Kleinbürger wohnte**. **Er hatte klotzig viel Geld** (Rö2, S. 291).

На основании Таблицы 3 можно отметить, что единственным значением существительного *добро*, в переводе которого наблюдается максимальное количество абсолютно не эквивалентных соответствий, является вещественное, хотя и здесь немецкий язык позволяет использовать в переводе существительное *Gut* (примеры (1), (3)). Отклонения в эквивалентности в немецких переводах в основном являются следствием либо сознательного выбора переводчиков (а не невозможностью эквивалентно и адекватно передать формы и значения данных лексем), либо, возможно, не всегда тщательной работой переводчика с семантикой и прагматикой оригинала. В тех случаях, когда в переводах отсутствует многозначная лексема с корнем *-gut-* (например, все три перевода примеров (2) и (4)), мы не можем говорить ни об эквивалентности, ни о прагматической адекватности.

В английском языке ситуация сложнее. Несмотря на наличие в нем родственного немецкому *-gut-* корня *-good-*, мы можем наблюдать в Таблицах 4-5 определенную тенденцию разделения метафизики и социального: первое тяготеет к передаче при помощи лексем с корнем *-good-*, тогда как второе (при наличии структурного соответствия лексеме *добро* в переводе) – при помощи лексем с корнем *-kind-*, о котором в этимологическом словаре OED сказано следующее: «от прото-германского **kundi- (“естественный, родной”, от *kunjam “семья”* (ср. *kin* – корень, который в современном английском означает “родня”, “родственники”))».

В то же время корень *-good-* имеет метафизические коннотации (например, лексема *goodness* в английском языке может являться эвфемизмом для слова Бог (Мамушкина, 2015, с. 35)).

В Таблице 4 мы можем оценить все три перевода как адекватные, тем не менее Хогарт (и в его переводах это наблюдается особенно часто) пренебрегает здесь лексико-семантической эквивалентностью, переводя «сознавал добро» как «сознавал, что есть хорошо»).

Таблица 4. *Метафизическое добро*

Русский текст	Английские переводы
(1) **Чем больше я сознавал о добре и о всем этом «прекрасном и высоком»,** тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней (т. 5, с. 102).	**The more conscious I was of goodness and of all that was "lofty and beautiful",** the more deeply I sank into my mire and the more ready I was to sink in it altogether (Ga1, p. 183).
	The more I was conscious of the good, and of all this "beautiful and sublime" stuff, the deeper I sank into my shit, and the more capable I was of becoming totally enmired in it (Ja2, p. 7).
	The more I have recognised what is good and what constitutes "the great and the beautiful", the deeper I have plunged into the mire, and the more I have been ready to smear myself over with the sticky stuff (Ho, p. 10).

Таблица 5. *Социальное добро*

Русский текст	Английские переводы
(1) **Ты [Лиза], видно, в своей семье не видала добра**, что так говоришь (т. 5, с. 102).	**You must have seen wickedness in your own family**, if you talk like that (Ga2, p. 264).
	Obviously, **you didn't see much kindness in your own family**, if you talk like that (Ja2, p. 87).
	To judge by your words, **I think that you yourself cannot come of a very loving family** – that you have been made to suffer (Ho, p. 108).
(2) Ишь собачье мясо: **добро ему [орлу] творишь**, а он всё кусается! (т. 4, с. 194).	"See, the cur, **one does something for his good**, and he keeps biting one" (Ga2, p. 254).
	"Geez, what an animal! **You want to do him a kindness**, but he keeps biting!" (Ja1, p. 258).
	"Oh, the wretched brute. **One wants to do him a kindness**, and he tears your hand for you by way of thanks" (Ed, p. 300).
(3) Оно, конечно, **коли не бить [бабу] – не будет добра**, – хладнокровно и методически заметил Черевин... (т. 4, с. 173).	"H'm... to be sure, **if you don't beat them there will be trouble**", Tcherevin observed coolly and methodically... (Ga2, p. 225).
	"Hmm. ... Of course, **if you don't beat them, there'll be trouble**!" Cherevin observed indifferently and sententiously... (Ja1, p. 228).
	"Yes, **if you don't beat'em you make no way at all**", said Tcherevine sententiously... (Ed, p. 262).

Таблица 6. *Вещественное добро*

Русский текст	Английские переводы
(1) Ишь, завидок востроглазый! **Разгорелись глаза на чужое добро** (т. 4, с. 200).	Ah, the sharp-eyed, envious fellow! **His eyes smart to see others well off** (Ga2, p. 262).
	Look at him – his eyes are green with envy! **They're afire with desire when he looks at other people's stuff** (Ja1, p. 266).
	There's a fellow with eyes that do their work, bursting with envy he is. **Don't his eyes glisten when he sees something that doesn't belong to him**? (Ed, p. 312).
(2) На кухне около жарко разгоревшихся печей шла суетня и толкотня, целая давка. **Всякий наблюдал за своим добром** (т. 4, с. 108).	In the kitchen round the glowing ovens there was great crowding and bustling, quite a crush. **Everyone was looking after his property** (Ga2, p. 137).
	In the kitchen, around the red-hot ovens, there was a lot of pushing and shoving, a regular riot. **Everybody was watching his own stuff**. (Ja1, p. 138).
	Bound the flaming stoves of the kitchen the convicts were rubbing and pushing against one another. **Every one was watching his own property** (Ed, p. 157).
(3) «Эх, дескать! – думал он, может быть, **запуская руку в мое добро**, – что ж это за человек, который и **за добро-то свое постоять не может**!» (т. 4, с. 86).	"Ech!" he may have thought **as he laid hands on my property**, "what a man, **he can't even defend his own property**!" (Ga2, p. 109).
	It's unbelievable! he may have thought **as he was laying his hands on my property**. What sort of man is this **who can't even protect his own belongings**? (Ja1, p. 109).
	"What a strange person!" he must have said to himself, **as he lay hands on my property**; "**he does not even know how to take care of what he possesses**" (Ed, p. 123).
(4) **Дом тут стоял**, с краю города, и **богатый тут жил один мещанин, добра пропасть.** (т. 4, с. 163).	There was a house at the end of the town and a rich man lived there, **with lots of property** (Ga2, p. 212).
	There was this house at the edge of town, and a rich tradesman lived there, **with lots of loot**. (Ja1, p. 214).
	Then they tell us of a place where there's a real good stroke of business to be done – a house at the end of the town belonging to a wealthy merchant fellow; **lots of good things there** (Ed, p. 242).

Лексема с корнем *-good-* встречается в девяти переводах лишь однажды (см. пример (2), перевод К. Гарнетт), и, хотя в рамках нашего исследования такой перевод можно было бы счесть прагматически адекватным, он неэквивалентен: «добро ему творишь» – «делаешь что-то для его добра». В остальных случаях мы встречаем либо лексемы с корнем *-kind-* (перевод Б. Якима примера (1), переводы Якима и Эдвардса примера (2)), либо описательный перевод (все варианты в примере (3)). И если говорить об относительно высоком уровне эквивалентности было бы возможным (хотя, например, в контексте (2) Б. Яким и Х. С. Эдвардс по формально необъяснимым причинам снижают этот уровень, добавляя в перевод слово «хотеть»: «добро ему творишь» – «хочешь сделать ему добро», а Б. Яким, кроме того, ставит перед словом *kindness* неопределенный артикль, который позволяет считать его исчисляемым существительным, сходным с русским «доброе дело»), то адекватность в нашем понимании здесь отсутствует, поскольку корень *-kind-* не имеет метафизических коннотаций. В примере (3) все трое переводчиков пренебрегают обоими исследуемыми критериями. Эквивалентность здесь минимальна не только ввиду отсутствия во всех переводах структурного соответствия русскому *добро*: «коли не бить бабу – не будет добра» К. Гарнетт и Б. Яким переводят как «если их не бить – будет беда», а Эдвардс – «вообще ничего не получится».

Как и в немецком языке, максимальное количество неэквивалентных переводных соответствий мы наблюдаем в случае употребления лексемы *добро* в вещественном значении.

Здесь только у Эдвардса в примере (4) мы встречаем лексему с корнем

-good-, которая в английском языке существует в вещественном понимании, в основном в виде существительного *goods* – «товары», однако и его перевод, как и все остальные переводы в Таблице 6, нельзя считать ни эквивалентными, ни адекватными («добра пропасть» – «множество хороших вещей»).

Рассмотренные примеры позволяют предположить, что при переводе аксиологемы *добро* на немецкий язык возможно добиться как эквивалентного, так и адекватного результата, и отклонения от принципов эквивалентности и адекватности связаны в первую очередь с желанием переводчиков, а не с ограничениями, накладываемыми структурой языка. В английском языке добиться одновременно эквивалентного и адекватного перевода невозможно, и адекватность может быть достигнута лишь за счет снижения эквивалентности.

Заключение

На основании проведенного исследования, мы пришли к следующим выводам:

1. Лексема *добро* в русском языке охватывает широкую сферу понятий, будучи направленной как от высших сил (для Ф. М. Достоевского – от Бога) к человеку, так и от одного человека к другому (или к другим). Указанные в толковых словарях русского языка значения встретились нам в обоих исследуемых оригинальных текстах.

2. В целях более наглядной репрезентации переводческих решений мы объединили зафиксированные в наших рабочих словарях значения в три основные группы: метафизическое добро (связанные с высшими силами контексты употребления), социальное добро (добро как результат деятельности человека и взаимодействия людей) и вещественное добро (добро как имущество, материальные предметы).

3. Поскольку в теории перевода существует множество различных взглядов на понимание эквивалентности и адекватности и их соотношения, мы рассматривали эквивалентность в рамках работ В. Н. Комиссарова, а для оценки адекватности опирались на теорию Ю. В. Ванникова.

4. В переводах в большинстве случаев нами были найдены текстовые фрагменты, структурно соответствующие ОТ, тем не менее встречались трансформированные переводы, не включающие в себя какое-либо соответствие русскому слову *добро*; подобные переводы мы относим как к неэквивалентным (нет структурного соответствия), так и к неадекватным (нет прагматического соответствия).

5. Для эквивалентного и адекватного перевода лексемы *добро* переводчику необходимо, во-первых, разобраться с тем, какой смысл закладывался автором оригинального текста в то или иное словоупотребление, а во-вторых, подобрать в языке перевода максимально тождественное соответствие. Сохранение внешней формы оригинала в переводе и правильное обращение со словарной информацией повышает эквивалентность перевода. Правильность понимания значения отдельных лексем, заложенного автором ОТ, повышает его адекватность. Но при этом необходимо учитывать, что для произведений Ф. М. Достоевского определение объема актуализованных в аксиологемах смыслов через их разграничение – зачастую бесперспективная задача: в большинстве его художественных образов за социальным стоит метафизическое, что отмечали многие исследователи его творчества.

6. Немецкие переводы обладают как большей эквивалентностью, так и большей адекватностью в сравнении с английскими. Немецкий язык, благодаря наличию многозначных, т. е. включающих в себя как метафизические, так и социальные и даже вещественные смысловые составляющие, лексем с корнем *-gut-*, в большинстве случаев позволяет добиться как эквивалентного в семантико-структурном плане, так и адекватного в прагматическом плане результата, то есть осуществить перевод соответствующей русской лексемы и ее ближайшего контекстного окружения практически без смысловых и прагматических потерь, при этом сохранив в переводе, как и в русском языке, единство формы и содержания, за счет чего читателю предоставляется возможность самому решать, что именно он хочет видеть за формой, а значит, насколько адекватным получился перевод.

7. В английском языке для передачи аксиологемы *добро* чаще всего невозможно добиться одновременно эквивалентного и адекватного перевода. В шести английских текстах нам встретилась лексема, включающая в себя два из трех возможных смысловых компонентов, реализующихся в словоупотреблении Ф. М. Достоевского: метафизическое и/или социальное *добро* (*-good-*) или только социальное *добро* (*-kind-*). Вещественное *добро* передается либо лексемами со значением «вещи», «имущество» (*property, stuff, belongings*), либо посредством описательного перевода. По данной причине английским переводчикам часто приходится делать лексический выбор, теряя при этом тот или иной потенциально актуализуемый смысловой компонент, по причине чего снижается адекватность перевода, а в случае применения переводческой трансформации для передачи понятия «вещественное добро», снижается до минимума его эквивалентность.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно указать на возможность проведения качественной оценки передачи при переводе однокоренных лексем (*добрый*, *доброта* и др.), в том числе для других пар языков.

Материалы исследования | Research materials

1. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 4 (в примерах – т. 4).
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 5 (в примерах – т. 5).
3. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 3-е, стер. М.: Русский язык, 1985. Т. 1-4.
4. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. / под ред. Я. К. Грота. СПб.: В тип. Императорской академии наук, 1847 (СЦСРЯ).
5. Dictionary by Merriam-Webster. https://www.m-w.com (MW).
6. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. www.dwds.de (DWDS).
7. Edwards H. S. The House of the Dead: or, Prison Life in Siberia. N. Y.: E. P. Dutton & Co, 1914 (в примерах – Ed).
8. Eliasberg A. Aufzeichnungen aus einem toten Hause. https://www.projekt-gutenberg.org/dostojew/totenhau/titlepage.html (в примерах – El).
9. Garnett C. Notes from the Underground // Three short Novels of Dostoyevski. N. Y.: Anchor Books Doubleday and Company Inc., 1960 (в примерах – Ga1).
10. Garnett C. The House of the Dead and Poor Folk. N. Y.: Barnes and Noble Classics Series, 2004 (в примерах – Ga2).
11. Geier S. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch. Stuttgart: Reclam, 2003 (в примерах – Ge).
12. Hogarth C. J. Letters from the Underworld by Fyodor Dostoyevsky. N. Y.: E. P. Dutton & Co. Inc., 1937 (в примерах – Ho).
13. Jakim B. Notes from the dead House. Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 2013 (в примерах – Ja1)
14. Jakim B. Notes from Underground. Cambridge: Grand Rapids; Wm. B. Ferdmans Publishing, 2009 (в примерах – Ja2).
15. Online Etymological Dictionary. https://www.etymonline.com (OED)
16. Rashin E. K. Aufzeichnungen aus dem Untergrund. https://archive.org/details/aufzeichnungenau0000dost_y8k6/page/4/mode/2up (в примерах – Ra1).
17. Rahsin E. K. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus. https://archive.org/details/aufzeichnungenau0000dost/page/162/mode/2up?q=frei (в примерах – Ra2).
18. Röhl H. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch. https://www.textlog.de/dostojewski/roman/aufzeichnungen-kellerloch/i-i (в примерах – Rö1).
19. Röhl H. Aufzeichnungen aus einem Totenhause. Frankfurt am Main: Insel, 2003 (в примерах – Rö2).

Источники | References

1. Будько Е. А. Лексико-семантические универсалии в контексте представлений о добре и зле (на материале фразеологических единиц русского и польского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1-1 (67).
2. Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода: типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод / отв. ред. А. Д. Швейцер. М.: Наука, 1988.
3. Днепровская И. В. Метафизика преступления в философии Ф. М. Достоевского: личность в поиске подлинности бытия // Соловьевские исследования. 2011. № 3 (31).
4. Касаткина Т. А. Богословие Достоевского / отв. ред. Т. А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021.
5. Касаткина Т. А., Кузнецова А. Б. Проблемы перевода Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-117-133
6. Ковалевская (Бузина) Т. В. Самообожение мелкого беса в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1. № 1.
7. Ковалевская Т. В. Метафизика в «Записках из подполья» и трудности перевода – от семантики до грамматики // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28). https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-31-56
8. Ковалевская Т. В. Мимикрическая поэтика Достоевского. М.: РГГУ, 2025.
9. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980.

10. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
11. Мамушкина С. Ю. Междометные эвфемизмы в русском и английском языках // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 4 (13).
12. Мошкович В. В. Адекватность и эквивалентность как основополагающие критерии оценки качества перевода»: дисс. … к. филол. н. Челябинск, 2013.
13. Серебренникова Е. Ф., Антипьев Н. П., Ладыгин Ю. А., Малинович Ю. М., Плотникова С. Н., Тарева Е. Г., Хахалова С. А., Казыдуб Н. Н., Литвиненко Т. Е., Семенова Т. И., Готлиб О. М., Малинович М. В., Шарунов А. И., Кулагина О. А. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011.

Информация об авторах | Author information

RU

Чиркова Елена Николаевна[1]
[1] Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

EN

Elena Nikolayevna Chirkova[1]
[1] Russian State University for Humanities, Moscow

[1] *elena_ch@inbox.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.08.2025; опубликовано online (published online): 18.09.2025.

Ключевые слова (keywords): эквивалентность и адекватность; художественный перевод; аксиологема «добро»; метафизика и социальное; переводы Ф. М. Достоевского; equivalence and adequacy; literary translation; axiologeme “добро” (goodness; kindness; belongings); metaphysics and the social; translations of F. M. Dostoevsky.